

О ТИПАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ РУССКИХ ГОВОРОВ

И. Б. КУЗЬМИНА, Е. В. НЕМЧЕНКО (Москва)

В настоящей статье делается попытка дать группировку синтаксических явлений, различительных для русских говоров, — явлений, по которым одна часть говоров противостоит другой, то есть попытка показать, чем собственно в области синтаксиса могут различаться между собой разные русские говоры. Основным материалом для работы послужили имеющиеся в Институте русского языка АН СССР ответы на „Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“ (Москва—Ленинград, 1947); кроме того, были привлечены данные из опубликованных работ по русским говорам и из диссертаций. Предлагаемая здесь характеристика типов различий носит предварительный характер, поскольку синтаксические явления русских говоров (как и диалектный синтаксис других славянских языков) изучены еще совершенно недостаточно. При рассмотрении синтаксических явлений мы опираемся на следующие положения общей теории диалектных различий, разработанной Р. И. Аванесовым:¹ на положение об общих и различительных элементах в языке и на положение о противопоставленных и непротивопоставленных различиях.

В синтаксических системах русских говоров удельный вес элементов различительных, частных в целом невелик как потому, что они сравнительно немногочисленны, так и потому — и это главное, — что не они являются основными, определяющими в синтаксическом строе. Основное место принадлежит здесь элементам общим, неразличительным. Элементы, общие для всех говоров, являются, как правило, элементами общенародными, т. е. свойственными также и литературному языку. Общим для синтаксического строя всех говоров и литературного языка, как разговор-

---

¹ См. Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. „Вопросы языкознания, 1952, № 6; Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Под ред. Р. И. Аванесова, Москва, 1957, „Вступительные статьи“, стр. 9—26; Р. И. Аванесов. Достижения современного языкознания в области русской диалектологии. Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, т. XVII, вып. I, 1958.

ной, так и письменной его формы, оказываются способы соединения слов между собой в составе словосочетаний и предложений, большинство моделей словосочетаний, типы предложений и основные способы их построения.

Ряд особенностей в синтаксическом строе сближает говоры лишь с одной из форм литературного языка — разговорной — и в большей или меньшей степени противопоставляет их другой — письменной форме. Противопоставляется здесь собственно не диалектное литературному, а особенности разговорной речи как носителей говором, так и людей, владеющих литературным языком, — особенностям письменной речи. Явления этого рода, достаточно многочисленные и разнообразные (ср., напр., группы фактов, проанализированные в книге А. Б. Шапиро „Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения“, Москва, 1953 и в книге Н. Ю. Шведовой „Очерки по синтаксису русской разговорной речи“, Москва, 1960)², связаны почти исключительно со структурой предложения. Каких-либо специфических моделей словосочетаний разговорная речь, по-видимому, не имеет. Различия между письменной и разговорной формами русского языка в области словосочетаний сводятся, вероятно, к единичным случаям различного использования определенных моделей. В качестве примера укажем на использование в разговорной речи модели „глагол + предлог *через* + винительный падеж имени“ для выражения причинных отношений — *через тебя я сегодня опоздал, через нее он болеет* (в значении „из-за тебя...“, „из-за нее...“). Однако необходимо оговориться, что данная конструкция, а также и другие, которые можно было бы здесь назвать (ср. *соскучиться по ком-либо, плакать по ком-либо*), являясь широко употребительными в разных русских говорах, характерны только для просторечного стиля современного литературного языка. Разговорная форма литературного языка и диалектная речь, совпадая в своих основных чертах, имеют вместе с тем и некоторые различия, в основе которых лежит то обстоятельство, что на разговорную речь владеющих литературным языком людей в значительно большей степени влияют правила и нормы письменного языка.³

Различительные синтаксические явления русских говоров, по сравнению с явлениями общими, по-видимому, настолько немногочисленны, что их можно представить себе в виде „вкраплений“ на фоне в общем единой

---

² В труде А. Б. Шапиро рассматривается (на материале говоров) целый ряд присущих разговорной речи особенностей в способах построения предложения и в способах сцепления предложений в пределах сложного синтаксического целого; объектом исследования Н. Ю. Шведовой являются разнообразные конструкции как лексически свободные, так и лексически ограниченные и фразеологизированные, представляющие собой „синтаксически неделимое целое“.

³ См. А. Б. Шапиро. Указ. работа, стр. 4.

системы. Эти „вкрапления“ — элементы, по которым одни группы говоров противостоят другим, — относятся к разным звеньям синтаксической системы, охватывая (правда, в разной степени) как категорию словосочетания, так и категорию предложения.

Синтаксические различия русских говоров сводятся к следующим основным типам:

I тип. Определенные модели словосочетаний или предложений имеются в одной части говоров и отсутствуют в другой. В зависимости от того, находятся ли словосочетания или предложения данной структуры в отношениях строгого соответствия с какими-либо иными структурами других говоров, здесь выделяются две группы — среди синтаксических различий I типа есть различия противопоставленные и непровопоставленные:

1. Словосочетания или предложения определенной структуры, употребляющиеся лишь в части говоров, оказываются соотносительным членом соответственного явления (т. е. образуется противопоставленное различие):⁴ весь круг значений, которым обладают словосочетания или предложения данной структуры, в других говорах (и литературном языке) также имеет формализованное выражение, причем передается тоже словосочетанием или предложением какой-либо одной определенной структуры. Так, напр., характерным для части северновеликорусских говоров отрицательным предложениям типа *никто ему велел, ничего я видел, никакого корму пороссятам еще надо* (в предложении с отрицательным местоимением отсутствует частица *не* при предикате или при главном члене безличного предложения) в других говорах соответствуют предложения типа *никто ему не велел, ничего я не видел, никакого корму пороссятам еще не надо*; или: спорадически употребляющимся в северновеликорусских говорах, а также на территории, прилегающей к БССР и УССР, словосочетаниям с прямым объектом — именем существительным одушевленным (обычно названием животных) множественного числа в форме именительного падежа (*подоить коровы, накормить цыплята*) в остальных говорах соответствуют словосочетания с винительным падежом (*подоить коров, накормить цыплят*). Члены таких пар предложений и словосочетаний, которые строго совпадают по всему кругу выражаемых ими смысловых отношений и по условиям употребления, но различаются по своей структуре, замещают друг друга в синтаксических системах разных говоров и в принципе взаимно исключаются в одной и той же системе. Следует отметить, что соотносительными в русских говорах оказываются такие структуры, которые различаются

---

⁴ Не имея возможности остановиться здесь на самих понятиях соответственного явления и противопоставленных и непровопоставленных диалектных различий, мы отсылаем читателя к названным выше работам Р. И. Аванесова.

между собой не полностью, а лишь частично: предложения, образующие соотносительный ряд, различаются каким-либо одним элементом (в приведенном примере — наличием или отсутствием частицы *не*), словосочетания — зависимой частью.

2. Словосочетания или предложения определенной структуры, употребляющиеся лишь в части говоров, образуют непротивопоставленное различие: в остальных говорах (а также в литературном языке) мы не находим каких-либо структур (словосочетаний или предложений), строго совпадающих с данными по всему кругу выражаемых ими смысловых отношений и по условиям употребления, т. е. структур, которые можно было бы рассматривать как соотносительные с данными. Так, напр., в некоторых русских говорах (части псковских, новгородских и орловских) употребляются безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием инфинитива *быть* с инфинитивом значимого глагола (*быть нам рано не управиться, быть начинать сначала, быть дождю идти, быть опоздать тебе сегодня, быть из бани чай пить*). Весь круг значений, которые могут быть переданы безличными предложениями с главным членом — двойным инфинитивом, — различные оттенки долженствования, неизбежности, необходимости, возможности... не находит в других говорах (и литературном языке) формализованного выражения в какой-то одной определенной структуре.⁵ По-видимому, именно к данной группе относится большая часть различительных явлений русских говоров, связанных с категорией предложения (среди них, напр., такие как употребление деепричастных форм в качестве предиката, оформление вопросительных предложений при помощи обязательных вопросительных частиц *ти* или *чи*). Непротивопоставленные синтаксические различия не характерны для категории словосочетания. Такие различия здесь могут создаваться, по-видимому, только за счет необщераспространенных предлогов. Так, напр., в большинстве русских говоров (и литературном языке) не имеет формализованного выражения тот оттенок пространственного значения — движение или расположение предмета одновременно над чем-либо и вдоль чего-либо, — который в части говоров передается конструкциями с предлогом *по-над* —

---

⁵ Так, для наиболее точной передачи значения приведенных выше предложений в литературном языке были бы, по-видимому, использованы предложения разной структуры: в одном случае безличные предложения с главным членом — инфинитивом (*нам рано не управиться*), в другом — безличные предложения с главным членом — сочетанием безличного глагола с инфинитивом (*придется начинать сначала*), в третьем — может быть, личное предложение (*опоздаешь ты сегодня!*); для последнего же примера мы затруднимся найти в литературном языке такую структуру предложения, при помощи которой мог бы быть выражен тот же оттенок модального и экспрессивного значения.

по-над рекой (реке) гуси летят, по-над дорогой (дороге) протянуты провода.

II тип. При помощи словосочетаний или предложений одной и той же структуры по говорам выражается разный круг смысловых отношений — одни и те же модели словосочетаний или предложений используются для образования разных синтаксических конструкций.⁶ Так, напр., глагольные словосочетания с зависимой частью — именем в винительном падеже с предлогом *по* во всех говорах (как и в литературном языке) могут выражать отношения временные (*прожить по 20-е число*) и пространственные (*стоять по правую сторону*), в части же говоров — также и объектно-целевые (*поехать по врача, сходить по молоко*). В этом последнем случае словосочетания включают в свой состав глаголы целенаправленного движения и такие имена существительные, которые обозначают предмет, способный стать объектом этого движения. Синтаксические различия II типа характерны для категории словосочетания, причем все относящиеся сюда явления, которые известны в настоящее время, связаны с глагольными словосочетаниями. В состав разных синтаксических конструкций (напр., временных и объектных) входят разные семантические группы глаголов и зависимых от них имен существительных. О различиях II типа по отношению к категории предложения можно говорить лишь условно, так как различия по говорам касаются не каких-либо определенных моделей, типов предложений, а лишь употребления союзов и союзных слов в сложном предложении. Так, есть некоторые основания предполагать, что не вполне одинаковую функцию в русских говорах выполняют сложные предложения с союзом *ежели*. Согласно замечаниям наблюдателей, в большинстве говоров союз *ежели* вводит придаточные условные предложения, в некоторых же говорах — также и временные.⁷

Выше мы определили синтаксические различия II типа как различия в использовании по говорам одних и тех же моделей словосочетаний или предложений. Но к этой группе явлений можно подойти и с другой стороны. Следствием того факта, что на основе одних и тех же моделей словосочетаний или предложений по говорам создаются разные синтаксические кон-

---

⁶ Мы считаем необходимым пояснить здесь, в каком значении используются в настоящей работе термины „модель“ и „конструкция“: под моделью или структурой мы понимаем синтаксическое построение (словосочетание или предложение), не ограниченное определенным значением; под конструкцией — синтаксическое построение определенной формы с определенным значением. Таким образом, конструкция рассматривается как частный случай реализации определенной модели.

⁷ См. В. И. Собянникова. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячского района Воронежской области), Воронеж, 1958, стр. 78.

Струкции, является употребление каких-либо определенных конструкций в одних говорах и отсутствие их в других: так, напр., в одной части русских говоров имеется объектно-целевая конструкция с предлогом *по* и винительным падежом имени (типа *сходить по соседу, поехать по дрова*), в других говорах эта конструкция отсутствует. Таким образом, II тип синтаксических различий иначе можно охарактеризовать так: определенные синтаксические конструкции имеются в одной части говоров и отсутствуют в другой. При таком подходе к синтаксическим различиям II типа правомерно ставить вопрос, как это делалось выше при рассмотрении различий I типа, о соотносительных элементах в системах разных говоров. Но если при рассмотрении различий I типа мы говорили о соотносительности определенных моделей словосочетаний или предложений, то здесь речь идет о соотносительности более частных элементов синтаксической системы — о соотносительности определенных конструкций. Среди синтаксических различий II типа выделяются две группы:

1. Синтаксические конструкции, известные лишь части говоров, образуют противопоставленное различие: в других говорах (и литературном языке) имеются конструкции, отличающиеся по структуре, но точно совпадающие с данными по значению и употреблению. Так, напр., соотносительными оказываются конструкции типа *сделать про свое семейство* (эта конструкция известна части северновеликорусских говоров) и типа *сделать для своего семейства* (модели же „глагол + *про* + имя в винительном падеже“ и „глагол + *для* + имя в родительном падеже“ не соотносительны, поскольку на их основе во всех русских говорах и литературном языке образуются синтаксические конструкции, выражающие другие смысловые отношения: ср. *говорить про дела, думать про детей; сделать для денег*.

2. Синтаксические конструкции, известные лишь части говоров, образуют непротивопоставленное различие: в других говорах (и литературном языке) мы не находим конструкций, передающих точно те же оттенки смысловых отношений. Так, напр., особый оттенок значения — некоторая неточность, приблизительность в определении времени — характерен для временной конструкции с предлогом *о*, распространенной в части русских говоров (типа *приехать о пасхе, умереть о весне*).

III тип. Одни и те же синтаксические конструкции выступают по говорам то как более, то как менее ограниченные в лексическом или лексико-грамматическом отношении. В словосочетаниях (а различия этого типа так же, как и предыдущего, характерны именно для категории словосочетания) лексические ограничения касаются зависимой части. Так, во временную конструкцию, представляющую собой глагольное словосочетание с зависимой частью — именем существительным в родительном падеже, в одних

говорах (как и в литературном языке) могут входить только существительные — названия месяцев, причем обязательно в сочетании с порядковым числительным (*приехал 20-го августа*),⁸ в других (северновеликорусских и некоторой части западных) круг существительных более широк: сюда включаются в сочетании с прилагательным, местоимением или числительным существительное *год* (*прошлого году рожь сеяли, отец пропал девятнадцатого году*), названия времен года (*сей зимы я был в Питере, прошлого лета приезжал*), названия частей суток (*каждой ночи сидим до часу*). Из различительных синтаксических явлений, относящихся к категории предложения, лексические (вернее лексико-грамматические) ограничения имеют место в одном — различным по говорам оказывается круг деепричастных форм, выступающих в качестве предиката: повсеместно распространено употребление в качестве предиката деепричастия *выпивши*; во многих говорах отмечено употребление в этой роли группы деепричастий *одевши, раздевши, обувши, разувши, раскрывши, покрывши*; в части же говоров (главным образом псковских и новгородских) данное явление выступает как лексически не ограниченное, причем в некоторых из этих говоров возможно употребление в качестве предиката и деепричастных форм, образованных от глаголов несовершенного вида (*вы весь день писавши?*).

Различия в лексическом наполнении синтаксических конструкций, т. е. в их продуктивности, как правило, не обусловлены лексическими различиями: включение или невключение каких-то слов или их групп в определенные синтаксические конструкции не связано с различием лексического значения этих слов (ср. приведенные выше примеры). Лишь в некоторых случаях включение какого-либо слова в определенные синтаксические конструкции в одних говорах и невключение его в эти же конструкции в других связано с различием лексико-грамматического характера: так, например, в одних говорах (и в литературном языке) во временную конструкцию с предлогом *за* и винительным падежом имени (типа *за год состарился, за час все сделаем*) входят только существительные, называющие временной отрезок (день, неделя, месяц...), в других говорах — и некоторые существительные, не называющие собственно временных понятий (ср. *народ хорошо за теплую погоду управится, за ведро все сделаем, за войну много пережили*); данное различие связано с тем, что в одних говорах имеет место метонимическое употребление слов *погода, ведро, война* в винительном падеже при сочетании с предлогом *в* (в значении времени, на протяжении которого длится война, стоит хорошая погода), в других говорах — нет.

---

⁸ Словосочетания с родительным даты представляют собой в современном литературном языке, по выражению акад. В. В. Виноградова, „синтаксический идиоматизм“ (см. „Русский язык“ Москва, 1947, стр. 170).

Поэтому нам представляется более правомерным рассматривать соответствующий круг явлений в разделе синтаксиса, чем в разделе лексики. Отнесение данного круга различий к числу синтаксических имеет то основание, что различие касается конкретного функционирования синтаксических единиц в говорах — синтаксических конструкций.⁹ К этому следует прибавить, что движение в составе слов, которые входят в синтаксическую конструкцию, может быть связано с некоторым изменением значения самой конструкции. Так, напр., по-видимому, несколько по-разному следует определять значение конструкции, состоящей из глагола целенаправленного движения и имени в винительном падеже с предлогом *в* (типа *пойти в грибы*),¹⁰ в тех говорах, где данная конструкция представлена единичными фразеологизированными сочетаниями *идти в ягоды, в грибы, в дрова*, с одной стороны, и в говорах, где можно сказать *пошел в кони, ходила в молоко, пойдём в смолу*... — с другой. Различия в лексическом составе имен зависимой части словосочетания, вероятно, соответствуют разным этапам в развитии данной конструкции: можно думать, что словосочетания *пойти в ягоды, грибы* сначала входили в ряд тех, где предлог *в* употреблялся для обозначения направления движения (ср. *идти в лес, войти в комнату*), т. е. *идти в ягоды, в грибы* означало „идти в ягодное или грибное место“;¹¹ в дальнейшем значение данных словосочетаний, по-видимому, осложнилось привнесением в них целевого оттенка, поскольку они предполагали движение целенаправленное; употребление предлога *в* в таких случаях как *ходила в молоко, в воду пошла*... показывает, что в некоторых говорах значение целевое взяло верх над прежним местным значением.

Итак, мы выделили три основных типа синтаксических различий русских говоров: I. в одной части говоров имеются, в другой отсутствуют определенные модели словосочетаний или предложений; II. на основе одних и тех же моделей словосочетаний или предложений по говорам образуются разные синтаксические конструкции, или иначе — в одной части говоров имеются, в другой отсутствуют определенные синтаксические конструкции; III. определенные синтаксические конструкции характеризуются по го-

---

⁹ В отнесении проблемы лексико-грамматических ограничений синтаксических конструкций к числу синтаксических мы следуем Н. Ю. Шведовой (см. ее статью „Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв.“, Вопросы языкознания, М. 1960, № 6).

¹⁰ Данная конструкция характерна для говоров территории, прилегающей к БССР (а также для говоров белорусского языка).

¹¹ Е. Ф. Карский определяет основное значение конструкции *пошел у грибы, у ягоды, у дрова* в белорусском языке как значение местное („Белорусы“, вып. 3, Москва, 1956, стр. 423).

ворам разной продуктивностью — разной степенью лексической или лексико-грамматической ограниченности.

Значительное большинство различительных синтаксических явлений связано со структурой словосочетания. Именно для категории словосочетания характерны различия II и III типов; весьма многочисленны также противопоставленные различия I типа, проявляющиеся в структуре словосочетания. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее количество различительных явлений в области словосочетания связано со структурой глагольного словосочетания с зависимой частью, включающей в свой состав имя существительное с предлогом. По-видимому; и среди всей суммы различительных синтаксических явлений русских говоров первое место принадлежит различиям в глагольном управлении.

Почти все различия, связанные с категорией предложения, относятся к различиям I типа; различия II и III типа здесь единичны. Большинство различий, проявляющихся в структуре предложения, по-видимому, следует считать непротивопоставленными. Различительные явления, связанные со структурой предложения, можно подразделить на две группы:

1. Различия, связанные с определенным типом предложения и касающиеся таких элементов, которые являются в данном типе предложения конструктивными. К этой группе принадлежит различие в способе выражения отрицания (отсутствие или наличие *не* при предикате в предложениях с отрицательным местоимением), различие в оформлении вопросительных предложений (наличие или отсутствие обязательных вопросительных частиц), ряд различий связан со структурой безличных предложений (различия в форме выражения главного члена или в способе распространения предикативной основы предложения).

2. Различия в форме выражения предиката, не связанные ни с каким определенным типом предложения. К их числу относятся: выражение предиката дееспричастными формами (ср. *теперь все лесом заросши; наверно в городе учивши-то? у него не доевши; смотри, как платье порвавши; десять раз схвативши, что женился; как вошодци да легши, так и не обедавши...*); употребление в качестве предиката кратких страдательных причастий в застывшей форме мужского рода (ср. *больница уже поставлен? завален все склады; у меня пятьдесят рублей дан; уехали, потому землей были обижен*) и некоторые другие явления.